

Святая Матрона Московская 1885 – 02.05.1952 г.

Одна из самых известных и почитаемых в России святых — святая Матрона Московская. Каждый, кто хотя бы раз побывал у нее, в Покровском монастыре, навсегда запомнит необыкновенное ощущение близости, теплоты и отзывчивости на просьбу о помощи, которое приходит во время молитвенного общения с Матушкой.

Она будто здесь, открытая, простертая навстречу всем, кто приходит в храм с верой. Сегодня исполняется то, что она предсказала о себе незадолго до своей смерти: «...на могилку мою мало будет ходить людей, только близкие... Но через много лет люди узнают про меня и пойдут толпами за помощью в своих горестях и с просьбой помолиться о них ко Господу Богу, и я всем буду помогать и всех услышу»...

В Покровском монастыре

Традиционные, от ворот, очереди, ворохи записок, цветы, которые она любила, и радость от сознания того, что в простоте и безыскусности обязательно будешь принят. Ты к ней – с букетиком, а от нее, бывает, что и с целым букетом роз, облагодатствованный, обласканный, а впереди – главное чудо: помощь, так же просто, как если бы говорили лицом к лицу. Вот это и есть Матушка Матрона. Сколько бы ни подтрунивали богословы над этим неиссякаемым народным обожанием, в нем есть своя правда. Истосковавшиеся по сердечности люди утешаются тем, что здесь все, «по-оптински»: «на молитве не лукавь, а веди дело проще». А за этой простотой и «народностью» – исповеднический подвиг, история послушливой, по-детски преданной любви к Богу.

Слепая девочка

Сиротство было уготовано ей еще до рождения. Обычная крестьянская семья из села под Тулой, где едва сводили концы с концами. До ее появления на свет в 1885 г. мать от бедности и отчаяния подумывала, как бы пристроить нежеланного младенца в приют. А новорожденная девочка, маленькая, слабая, оказалась совершенно беззащитной перед миром

– слепой, и мать вдруг одумалась, осознав, что если не она, никто не возьмет на себя заботу об этом ребенке, никому он не будет нужен, и Матронушку оставили в семье.

Со временем же, та, что казалась «обузой», стала для матери большей радостью, чем ее старшие дети. Девочка росла ласковой, доброй. Кроха, сама немощная, а мать свою старалась поддержать, будто это и не она нуждалась в помощи. Когда же матушка жалела о ней, о будущей ее участи, Матрона только и отвечала: «Я-то несчастная? У тебя Ваня несчастный, да Миша». Слов ее не понимали тогда, но стали примечать, что ребенок этот необычен. Видно было, что ей дано зрение, хотя и отличающееся от обыкновенного: она пробиралась к иконам, любила держать образы на руках, различала...

...Невысокая, с короткими ручками и ножками, Матрона Никонова с самого детства оказалась «обособлена» от обычной жизни. Общение со сверстниками порой приносило ей страдание: над ее немощью потешались, и она приняла свой недуг как ограду – началась жизнь внутренняя в постоянном обращении к Богу, к святым. Вера была у нее крепкая, как у взрослого. Любимым ее уголком стало уединенное место в Успенском храме, поблизости от дома, слева, за входной дверью, где она часами неподвижно стояла в молитве.

Один случай открыл необычность ее внутренней жизни, когда Матронушка среди ночи сказала вдруг о том, что скончался крестивший ее священник, отец Василий, и слова ее оказались правдой. Тогда родные припомнили и важный эпизод: когда о. Василий крестил Матрону, во время совершения таинства над купелью поднялось легкое благоухающее облако, и священник предсказал, что их ребенок будет свят.

Духовное зрение, которым девочка была наделена от Бога, стало проявляться все более явно. Она предсказывала будущие события, часто уберегая людей от опасности, предвидела она и стихийные бедствия, за много лет предсказывала революцию и гонения на Церковь. По ее молитве люди стали получать исцеление и помощь в скорбях. О маленькой молитвеннице узнали: к дому Никоновых стал стекаться народ не только из окрестных сел, но и из других губерний.

Были в тот период и радости в ее жизни: паломничества в Киево-Печерскую лавру, к Троице-Сергию. Послал Господь добрую душу: дочь местного помещика Лидия приняла Матрону как спутницу в своих путешествиях по святым местам, заботясь о ней. Сохранилось предание и о том, что в Кронштадте, среди толпы, выделил и особым образом благословил

Матронушку сам о. Иоанн Сергиев. Назвав прежде с ним незнакомую девушку по имени, о. Иоанн прибавил: «Смена мне, восьмой столп России».

Дар

На семнадцатом году жизни Матрона «обезножила», внезапно, будто от удара. Сама она видела в этом испытание веры, и говорила, что ей был указан и человек, женщина, сознательно причинившая ей зло, по ненависти к тем, кто угождает Богу молитвой. Матрона приняла болезнь как Крест Христов, не без воли Божией посылаемый.

В телесном страдании ей было дано почувствовать то, что испытывал апостол Павел: изобилие благодати при крайней немощи плоти. Прозорливость ее поражала. Одну посетительницу она обличала в утаенном грехе – та в голодное время продавала сиротам и неимущим несвежее и нечистое молоко, другой – приоткрыла, что задуманное ей дело не сбудется – и материалы заготовлены, и средства есть, а помешает революция возведению новой колокольни, третьему же советовала поскорее продать имение и уехать за границу. В редких случаях, когда ее советами пренебрегали, события заставляли об этом сожалеть. Понадеялся помещик Яньков на то, что «пересидит» волнения в глубинке, и не избежал преждевременной смерти, оставив бесприютной сиротой единственную дочь.

К Матрюше везли больных и ослабленных: помолится, подаст воды, и казалось неизлечимо-больной человек, после продолжительного и глубокого сна, встает совершенно здоровым. Сама же Матрона не признавала за собой никакой чудотворной силы: «Что Матронушка Бог что ли? Бог во всем помогает». Это и возводило ее в ранг евангельского врача: не ради корысти лечила она людей и помогала, сама довольствуясь лишь необходимым, а для прославления Имени Божия, и не своими силами, а через молитвенное обращение к Господу. За это Матрону ненавидели «целители» и ворожеи, колдуны и окулисты, «соревновавшее» ей и бессильные. Матрона упреждала людей от уклонения на путь «легкой помощи»: помочь – «помогут», да только временно, а цену поставят непомерную – душу, Богом сотворенную, бессмертную.

От Арбата – до Посада

Революция произвела разделение и в ее семье: оба брата Матроны вступили в партию. Жить под одной крышей с блаженной, к которой люди, по-прежнему, шли и ехали отовсюду, было для них нестерпимо. Оба были «активистами», сельскими агитаторами. Матронушка же не могла ни от Бога отступить, ни утаивать дар от Него полученный как «не свое», а для служения на пользу ближним ей данный, и, жалея престарелых родителей, перебралась в Москву. С 1925 года она стала бездомной странницей: ни постоянного угла, ни прописки.

До войны жила она на Ульяновской улице в доме приютившего ее на время священника, а потом – на Пятницкой, в Сокольниках в летнем домике, где в холодное время стены покрывались пленкой льда, в подвале у племянницы жила в Вишняковском переулке и у Никитских ворот, в Петровско-Разумовском и в Царицыно, гостила и в Сергиевом Посаде. «Безногая», всю Москву знала она по подвалам и закуткам.

Не раз она, как птица, срывалась с места перед самым приходом милиции и искала себе прибежище в другом конце города. Сопровождали ее «келейницы», разделявшие с ней ее скитания.

Неудобств для себя она словно и не замечала. Не было ни жалоб, ни ропота, ни досады. Любила Москву, называла ее «святым городом», и, предсказывая приближение долгой и кровопролитной войны, утешала: «Москву враг не тронет. Из Москвы уезжать не надо».

С 1942 г. появился у нее, наконец, «свой уголок» в Староконюшенном переулке, у женщины из одного с ней села, где задержалась она на пять лет. Три угла в комнате от потолка до самого пола занимали иконы. Маленький «островок» прежней жизни за тяжелыми, дореволюционного пошива, шторами. Здесь заботливо поддерживали огонь в лампадах, помнили праздники и дни великих святых, и, по-прежнему, молились.

А народ, по-прежнему, шел за помощью, так, что в иные дни стекалось к ней и по сорок человек. Так и шла жизнь по заведенному распорядку: днем – посетители, ночь – для молитвы, краткие перерывы на сон, хотя она и не спала глубоко, а только дремала, по-монашески, положив голову на кулачек.

Матушке открывались судьбы людей, сражавшихся на фронте, она не отказывала в молитве за воинов, и сама часто присутствовала в разных местах страны. Среди ее предсказаний запомнилось и относившееся к ее «малой родине»: «В Тулу немцы не войдут».

Бывало, что и приходившие к ней в отчаянии, не надеясь уже ни на что, получали помощь за простое обещание твердо верить, что есть Бог и Его силой все совершится и уладится, за внимание к ее словам о том, что христианам нужно, не снимая, носить крест, читать молитвы, венчаться в Церкви. И за этим следовали сотни свидетельств об исцелениях, избавлении от власти злых духов, разрешении запутанных, сложных обстоятельств. Утешала, ободряла, увещевала, обещая, что Господь не оставит Россию, а бедствия посылаются за оскудение веры.

И так до конца служила она Богу, не думая о себе высоко, держась всегда просто и скромно, не поощряя никаких внешних выделений и «обособлений в духовность». «Ни вида, ни величия», ни монашеского облачения. Выглядела она как обычная, только очень немощная и утружденная болезнями и неустройством женщина, всегда благодушная, со светлым лицом и детской улыбкой. Однако не только для мирян, но и для монахов Троице-Сергиевой Лавры была она «Божиим человеком», «духовной матерью», которую знали многие и чьими молитвами дорожили.

В первые годы после ее кончины в 1952 г. о маленькой могилке на Даниловском кладбище, выбранном по тому, что там находился один из немногих действующих храмов, знало лишь ограниченное число людей. Лишь спустя десятилетия совершилось ее прославление, мощи были перенесены в Покровский монастырь, и снова пошли люди со свечами, с букетами цветов, с пением акафиста новой московской и всероссийской святой – в удостоверение плодов ее земного подвига, пройденного смиренно в простом русском платье в горошек.

Источник: <http://www.pravmir.ru/matrona-moskovskaya/#ixzz3LOUeQaIa>